

Татьяна Полюнова

ВСЕЬ МИР – К ТВОИМ
НОГАМ

Рассказы

Татьяна Полуянова
Весь мир – к твоим
ногам. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876209
ISBN 9785448373084*

Аннотация

Что же в тебе такого, госпожа Белуха, что не даёшь покоя, заставляешь забыть маму с папой, издалека манишь к себе, неудержимо влечёшь человека. Зачем люди ходят в горы? Зачем покоряют вершины? Некоторые не могут иначе...

Содержание

Чужая палатка	5
Весь мир – к твоим ногам!	11
Пикник на ручье Алгуйском	23
Приют на ручье Высокогорном	43
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Весь мир – к твоим ногам

Рассказы

Татьяна Полуянова

© Татьяна Полуянова, 2017

ISBN 978-5-4483-7308-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чужая палатка

Дело было на туриаде. Съехалось двадцать туристских команд со всей области. На большой поляне поставили в круг большие зимние палатки, накрыли их полиэтиленом. В центре поляны соорудили флагшток, торжественно подняли флаг – открыли мероприятие. Завтра – серьёзные командные соревнования. А сегодня – обустройство палаточного городка, отдых, адаптация.

К вечеру поляну окончательно обжили: примяли снег, напилили чурок, накололи дров, оборудовали костровища, приготовили еду. Когда повалил снег, все дела были уже переделаны, поэтому наша команда с чистой совестью залезла в палатку, где пахло свежими опилками и уютно потрескивали дрова в печурке.

Сначала выпили за встречу, потом – за туриаду, третий тост, как водится, – за любовь, четвёртый – за тех, кто не с нами, потом уже никто не считал, сколько и за что.

Почти на автопилоте Юрка разделся догола (в своём басковском спальнике он всегда спал без одежды) и безмятежно уснул. Он был жаворонком, просыпался рано, поэтому любил дежурить по палатке под утро, когда остальные члены команды досматривали последние, самые сладкие сны.

Когда сработал внутренний будильник, Юрка потянулся, бодро вылез из спальника и, как был, голым, выскочил нару-

жу. По походному опыту он знал, что полусонный дежурный даже не обернётся, а, заслышав, что кто-то встал, тут же залезет в спальный мешок – досыпать. Справив естественную нужду, Юрка огляделся. Было темно, тихо. Лишь потрескивание дров да искры, вылетающие из труб над заснеженными палатками, нарушали покой спящего леса. Решив немного размяться, сделал несколько энергичных упражнений, побегал босыми ногами по свежему снегу и, окончательно разогнав сон, вернулся.

Дежурный сидел на чурбаке перед печуркой, и, по-прежнему, не оглядываясь, подбрасывал в неё дровишки.

– Который час? – удивлённо спросил Юрка. По его внутренним часам выходило, что уже шло его время, а тот, кого он сменял, должен был юркнуть в спальник десять минут назад.

– Да спи, рано ещё, я только что заступил, – ответил дежурный хриплым со сна голосом.

Озадаченный Юрка полез обратно в свой басковский спальник. Его недоумение усилилось, когда в спальнике он обнаружил ещё одно обнажённое тело и, судя по тёплой упругой груди – девичье. Не в силах понять, откуда оно тут взялось, медленно провёл рукой по тёплой груди, по тонкой талии, коснулся бедра. Девушка податливо потянулась, потом обняла его сонными нежными руками, притянула к себе. Юрка боялся дышать, боялся спугнуть это волшебное мгновение неосторожным движением, в то же время отчётливо

понимая, что произошла ошибка, путаница... Но какая приятная путаница! Сладко замирая от охватившего его желания, он всё же, пересиливая себя, сделал попытку отодвинуться. Девушка прижала его к себе ещё крепче, не отпуская, разрешая, приглашая... Вскоре Юрка забыл и о своём недомумении, и о спящих вокруг людях, о сонном дежурном, прикорнувшем тихонько на чурбачке... Их было только двое, мужчина и женщина, только двое во всей вселенной, и только это имело теперь значение, только это и было правильным.

Внезапно девушка открыла глаза. Эти глаза неподвижно уставились на Юрку, потом вдруг начали расширяться и всё расширялись по мере того, как в девичьей головке происходило понимание того, что произошло, что она только что здесь, в палатке, где полно народу, с совершенно незнакомым человеком... О! Ужас!

Предупреждая крик, готовый сорваться с губ девушки, Юрка пулей выскочил на улицу.

То, что это чужая палатка, он уже понял. «Но где тогда, чёрт подери, наша?» Юрка обвёл взглядом поляну. Всё так же было темно и тихо. «Наверное, девушка передумала кричать», – мелькнуло в голове. В едва мерцающем свете луны был виден флагшток, вокруг него по кругу всё так же стояли прикрытые полиэтиленом и одинаково припорошенные снегом палатки. Над ними одинаково торчали жестяные трубы, из которых вырывались искры и устремлялись в начина-

ющее сереть предрассветное небо.

Голый Юрка осторожно, на цыпочках, подошёл к палатке, находившейся правее той, из которой он только что выскок. Заглянул в щелку. Слышалось похрапывание спящих людей, видна была спина дежурного, подбрасывающего дровишки в печку. Ни в чём не уверенный, но уже начинающий замерзать на утреннем морозце, Юрка начал было расстёгивать молнию на входе, но тут вдруг его осенило: дежурный! Здесь есть дежурный! «А в нашей – его не должно быть: ведь я сам дежурный!» Окрылённый этой нехитрой мыслью, Юрка рванул к следующей. Там дежурный тоже был. И в третьей тоже. И в четвёртой. Обезавший по кругу почти все палатки, окоченевший, подгоняемый сознанием того, что ночь скоро окончится, и в лагере начнётся подъём, а он, голый и беспомощный в этой своей голости, бегаёт тут, как маньяк, по зимнему лесу, Юрка, наконец, нашёл свою палатку. Рядом с печкой белела никем не занятая чурка дежурного. Дрова давно прогорели, и спящие товарищи по команде зябко поёживались во сне.

– Сейчас, сейчас, милые, я сейчас! – бормотал Юрка, подбрасывая в печку дрова руками, дрожащими от холода и от внезапной радости, что нашёл своих.

Наступило утро.

Команды вышли на построение. Юрка жадно вглядывался в лица девушек из других городов, пытаясь обнаружить глазастенькую. Все девушки были в одинаково надвинутых

на глаза спортивных шапочках. В ответ на его пристальный взгляд все приветливо улыбались.

Кто же она? Этот вопрос не давал Юрке покою все дни соревнований. Он наблюдал за выступлениями команд, перезнакомился со всеми девушками туриады. Молодые, задорные, симпатичные и даже красивые, но ни одна не выдала себя ни взглядом, ни полунамёком. Ни одна из них не походила на таинственную незнакомку из чужой палатки, но каждая могла ей оказаться.

Юрка потерял аппетит и сон. На расспросы товарищей по команде только досадливо морщился. Не мог же он кому-то рассказать о тайном событии той ночи!

В последний день соревнований на одном из этапов полосы препятствий Юрка нечаянно упустил лыжу, потом подобрал её, потерял уйму времени, наконец, преодолел злополучный подъём и собирался двинуть дальше, но судья этапа неожиданно произнесла:

– А в спальнике половчее был!

Юрка, замер. «Откуда она знает?..»

Судья республиканской категории, мастер спорта, одна из уважаемых организаторов туриады – стояла перед ним и смотрела немигающими огромными глазами. «Неужели, она? Нет, она, конечно, супер-тётка! Но лет-то ей?..»

– Тридцать шесть! – прочитала мысли судья. – Да не парься, я же не замуж тебя зову! Езжай дальше... турист! – насмешливо добавила она.

Вечером Юрка вошёл в судейскую палатку. Судьи отмечали окончание соревнований. Подвинулись, освобождая место для гостя. Кто-то сунул в руку кружку. Потом все выжидательно замолчали.

– Ирина Васильевна! Ирочка! – звенящим голосом произнёс Юрка, глядя в широко распахнутые глаза. – Выходи за меня замуж!

– Чего? – не понял один из судейских.

– Это я зову замуж Ирину Васильевну! Делаю официальное предложение! – отчеканил Юрка.

Вскоре они действительно поженились. И, говорят, очень счастливы.

Ведь любовь может внезапно подкараулить человека в любом месте, даже если он случайно забрёл в чужую палатку. Главное, быть готовым к встрече с ней!

Весь мир – к твоим ногам!

Лекция не воспринималась. Сергей не мог понять, что хочет доказать преподаватель, громко роняя слова и постукивая на доске мелом. Сидящий рядом Димка тоже слушал вполуха, поглядывал в окно и прямо в тетради для лекций рисовал сосны университетской рощи. Простым карандашом умудрялся изобразить и белый снег, и зелёные ветви.

– Смотри, они у тебя от тяжести обломятся, – шёпотом пошутил Сергей.

– Серёга! Дай взаймы стольник! – неожиданно прошептал Димка в конце третьей пары.

– Откуда у меня столько денег? – изумился Сергей. – И зачем тебе?

– На краски. И кисть надо новую купить, колонковую. Картину пишу, – Димка помялся и добавил решающий аргумент, после которого невозможно отказать: – Хочу девушке подарить.

– Нет, – сказал Сергей, прикинув в уме. – Рублей двадцать смогу одолжить. До стипухи-то сам знаешь, сколько ещё.

Близился Новый год.

«Кстати! А что подарю я?» – задумался он. Хотелось что-нибудь этакое, чтобы запомнилось, но и чтобы денег хватило. Говорят, нужно дарить то, что хотел бы получить в подарок сам. А сам Серёга хотел горные лыжи или хороший

спальник. Потому что больше всего на свете любил горы...

Ещё ничего не успел придумать, а навстречу по институтскому коридору шла она. Правда, Надя, студентка из параллельной группы, ещё не знала, что является девушкой его мечты...

– Надежда! – сходу начал он. – Поедем на Поднебесные Зубья!

– Привет, Серёжка! – Надя приехала из соседней области, жила в общежитии и не имела ни малейшего представления о Поднебесных Зубьях, но ей нравился этот рыжеватый весёлый парень, и она просто спросила: – А когда?

– Новый год там встретим! В туристском приюте. На Малый Зуб ходим...

– А кто ещё будет?

– Не знаю, я тебе первой предложил... У тебя лыжи есть?

– Есть, только я на них не очень... кое-как зачёт по физкультуре сдала.

– Но ведь сдала? Вот и славно... Потом обговорим подробности, а пока начинай сушить сухари! – поспешил убежать Сергей, пока Надя не передумала.

Друзья, которых он тоже позвал, от похода отказались. У всех уже давно были свои планы, которые они менять не собирались. У Димки на уме – новая картина, у других... Но Сергей особо не расстроился, наоборот, обрадовался воз-

возможности побыть с Надюшей наедине. Самой девушке решил об этом пока не говорить. О том, что они едут вдвоём, Надя узнала только в электричке. Она поморгала пушистыми ресницами, потом достала огромный пакет с пирожками и сказала:

– Жалко! Я на всех пекла. Ешь теперь за троих!

Сергей не заставил себя долго упрашивать.

Они ели пирожки, весело болтали обо всём и ни о чём, постепенно узнавая друг друга. Стараясь понравиться девушке, Сергей рассказывал смешные истории, какие обычно случаются в походах. Надюша слушала, широко распахнув глаза, и заразительно смеялась. К концу поездки Сергей был окончательно влюблён, и его сердце пело: девушка смотрела на него с интересом и восхищением!

В Лужбе вышли из электрички. Сергей помог надеть рюкзак, застегнул крепление на лыжах.

– Нам – туда, – показал он на горы на другом берегу Томи.

– Ой! Я никогда не видела столько снега! И неба! кругом только белое и голубое! – восторгалась Надя. – А почему мы идём на Малый зуб, а не на... Большой, например?

– Ну, начинать надо с малого, – улыбнулся Сергей.

Белого было больше, чем голубого: серебристо-белым покрывалом снег укутал промёрзшую реку и притихшую тайгу, завернул в лохматые коконы тёмные пихты, спрятал под шапками вершины Зубьев. Бледная голубизна неба выглядела лишь одним из оттенков белого.

– Я же говорила тебе, что я на лыжах не очень... – виновато говорила Надя, когда он снова вытаскивал её из рыхлого сугроба, отряхивал от снега, застёгивал крепления.

– Ничего, научишься! – подбадривал Сергей, – это в гору надо елочкой, а с горы просто катись. Это же здорово – с ветерком! И быстрее намного...

– Не... катиться страшно! – дрожали пушистые ресницы, на которых таяли, готовые пролиться весенними ручьями, снежинки, – да ещё рюкзак в спину толкает!

– Ну, притормаживай немного, только лыжами, плугом, а не пятой точкой!

Хорошо, что они шли вверх, и тормозить приходилось нечасто – только на спусках с водоразделов. Надин рюкзак Серёга разгрузил, забрав себе треть груза. Но уже после обеда стало ясно, что к ночи до избы они не дойдут.

– Будем рыть пещеру! – бодро сказал Сергей.

– Как это? Мы что, будем ночевать прямо здесь, в снегу? – ужаснулась Надя.

– Ну, да! Ты ведь ещё ни разу в пещере не жила? Все твои подружки обзавидуются!

– Но ведь мы замёрзнем! – Надя, казалось, готова вот-вот разреветься.

– Медведи всю зиму в берлоге спят и не замерзают, а нам всего одну ночку переночевать! Бери лопатку, а я миской буду снег выгрести.

Чудная у Сергея лопатка: маленькая, иссверленная ды-

рочками – чтобы легче была, а снега цепляет много. Вскоре в толще сугроба стала прорисовываться пещера: три снежных ступени вниз, потом узкий вход, а внутри низенькая – чтобы только сидеть или лежать – комнатка. Сергей притащил и накидал на снежный пол лапника, постелил полиэтилен, потом раскатал туристские коврики, бросил на них спальные.

– Ну, вот и всё! – подмигнул он. – Сейчас сварим блёвчик и баиньки!

– Блёвчик? Что это? – поразилась Надя.

– Эх ты, походница! Не знаешь разве – супчик это,ублимированный!

Уже по темноте развели костёр. Сергей засыпал пакет в плоский котелок – боб, где уже томила картошечка, выложил тушёнку, потрусил приправками. От блёвчика пахло дымом и нездешними пряностями, а когда Сергей в каждую миску всыпал по горсти сухариков – вот для чего нужно было сушить хлеб крошечными кубиками – получилось божеественно!

Попили чаю и залезли в пещеру. Сергей заткнул рюкзаками вход. Повернулся к Наде, приблизил лицо и просунул руку к ней в спальник. Девушка вздрогнула и прошептала:

– Не надо, Сережа.

Он неохотно вытащил руку, медленно застегнул мешок до самого её подбородка, застегнулся сам и задул свечку, стоящую в углублении снежной стенки.

В темноте Наде стало страшно, тревожила толща снега прямо над ними. Будоражил непривычный запах хвои и свечи. Но вскоре усталость взяла своё: прижавшись к Серёжиной спине, девушка пригрелась и уснула.

До избы на Высокогорном ручье дошли только к вечеру следующего дня. Переночевали там, а рано утром снова пошли наверх. Вскоре лес кончился. Воткнули в снег лыжи, пристегнули к ботинкам кошки и начали подъём по плотному фирну. На гребне, когда шли по узенькой перемычке, Сергей оглянулся. У Надюшки прикушена губа и глаза – по чайнику, но кивнула, что в порядке. Сергей навесил верёвку, и они поднялись на каменное перо вершины.

– Весь мир – к твоим ногам! – эту фразу Сергей мысленно репетировал уже несколько дней, а теперь произнёс вслух и тихо добавил:

– Это тебе мой новогодний подарок.

Отчего-то застеснялся и начал быстро говорить:

– Вот он, Малый Зуб, под нами. Смотри, какая панорама отсюда! Красота! А Большой Зуб – во-он туда если идти по гребню, можно будет увидеть. А самый высокий – Верхний – в другую сторону.

Очарованная великолепием Надя широко распахнула глаза. С вершины открылся вид на белую долину, обрамлённую горным хребтом, за который цеплялись, быстро пролетая – совсем рядом! – белые клочья облаков. Никогда не думала, что можно находиться на одном уровне с облаками!

С противоположной стороны вершина обрывалась вниз отвесной стеной, изрезанной чёрными трещинами – кулуарами. По ним белыми языками поднимались из долины и кружились, норовя растворить тусклое солнце и смешаться с облаками, снежные вихри. Белого становилось всё больше.

– А теперь быстро давай вниз. Кажется, погода начинает портиться!

Спустились со скалы и почти бегом побежали по склону. Ветер дул в лицо, сбивал с ног. Повалил снег. Надя шла за Сергеем, держась за верёвку, которой он привязал её к себе. Белый окончательно вытеснил все другие цвета. В снежной пелене долго не могли отыскать оставленные лыжи. Наде стало страшно и очень холодно. Слезы были уже где-то близко, но девушка понимала, что Серёже и без того трудно с такой обузой, а если обуза ещё надумает реветь...

– Вот они, лыжики! – обрадовался Сергей и снял варежки, пытаясь отвязать кошки.

Верёвочные темляки обледенели, узлы превратились в камни. Руки тут же заоченели. Сунул их в штаны, зажал между ног. Немного отогрел и снова принялся распутывать на ветру ледяные узлы. Пока возился с Надиными кошками, опять перестали повиноваться пальцы. Свои кошки ему ни за что не развязать! Сергей взглянул на Надю.

– Только не в штаны! – вскрикнула девушка и задрала куртку вместе с кофтой и майкой, предлагая отогреть руки у неё подмышками. Нежная кожа вмиг покрылась пупырыш-

ками, грудки напряглись.

«Эх! В другой бы обстановке!» – думал Сергей, вглядываясь в лицо Нади, которая крепко зажмурилась и со стойкостью оловянного солдатика терпела ледяные прикосновения. Едва пальцы обрели чувствительность, быстро убрал руки, снова стал распутывать смёрзшиеся узлы.

Если бы он был один, до спасительной избы спустился бы за полчаса. Но Надя боялась разгоняться с горы, снова и снова тормозила пятой точкой, тонула и беспомощно барахталась в перине свежего пухляка. Темнело.

– Надюшка! Давай уже, поехали, Новый год пропустим! – подбадривал Сергей, вытаскивая девушку из сугроба.

– Страшно! И не видно ничего – куда ехать? – она отвечала жалобно и одновременно виновато.

Лохматый снегопад поглотил всякую видимость и звуки. В трёх шагах уже ничего не видно и не слышно. Охватило ощущение нереальности происходящего: вверху, внизу, во всех направлениях – всюду снег. Он залеплял глаза, рот, забивался в одежду, залезал за шиворот и талым комком страха сползал по спине. И даже время будто увязло в мельтешении белых хлопьев: не ясно, когда закончился день, и наступила безразмерная ночь. Странно и жутко оказаться в таком безвременном снежном пространстве. Между небом и землёй. Днём и ночью. Старым и новым годом. Между снегом. И идти, идти непонятно куда, неизвестно, зачем...

Будто почувствовав, что его спутницу покидают послед-

ние силы, Сергей оглянулся и дурашливым голосом произнёс знакомые с детства строчки:

– А что, если мы не дойдём? Если в пути пропадём? – потом приобнял девушку и прошептал: – Не дрейфь, Надюшка, скоро выйдем.

Сразу стало легче.

На тёмную стену приюта наткнулись неожиданно. Кое-как сняв лыжи, ввалились в нетопленную избу.

Зажгли свечи, растопили печку, приготовили ужин.

– С Новым годом! – чокнулись кружками.

После водки – какой дурак потащит в горы шампанское – стало тепло, побежало по жилам облегчение и тихая радость: вернулись, живы. Одни на всём белом свете. Редкие всполохи огня в печурке с негромким треском вспарывали уютную тишину.

Ночью Сергей стонал, не зная, куда пристроить начавшие распухать руки. Надя придвинулась, положила его ладони себе на грудь, потом ниже, чтобы согреть, вылечить, отблагодарить, одарить любовью.

Сергей ничего не чувствовал. Руки были будто не его. Его знобило и клонило в сон.

– Спокойной ночи, Наденька! – сказал он, досадуя на себя. Эх! Не так он представлял себе это...

Утром обоим было неловко.

А ещё утро нового года принесло боль в мышцах и самое страшное – распухшие багровые руки Сергея.

Через три дня Сергей лежал в больнице, положив перевязанные кисти поверх одеяла. У него была вторая стадия отморожения верхних конечностей. Врачи сказали, что ещё немного, и мог бы остаться без рук.

Но страдал Сергей не от этого. Он вспоминал поход, свой «необычный подарок», и ему было стыдно. Заманил неопытную в туризме девушку в горы, чуть не погубил девчонку на холоде. Зимний поход – это не шутка! Такой праздник испортил! А в новогоднюю ночь оказался полным слабаком. Что она теперь о нём думает? Наверное, смеётся над ним с подружками.

– Можно? – Надя вошла, и вместе с ней в палату ворвался запах апельсинов и праздника.

– Надя! – задохнулся от радости Сергей. – Пришла! Ты на меня не сердишься?

Вопрос повис в воздухе, потому что вслед за Надей вошёл Димка.

– Ну, как ты себя чувствуешь?

Сергей переводил взгляд с одного на другого и чувствовал себя... плохо.

Надя присела рядом на кровать и начала выкладывать на тумбочку по одному апельсину.

– На тебя? – один апельсин. – За что, Серёжа? – другой.

– Ну, это... – Сергей заморожено смотрел на апельсины и мучительно подыскивал слова. Вспыхнувшее было счастье

съёжилось и всё уместилось в руках девушки.

– Нет, не сержусь, – на тумбочку лёг третий оранжевый шарик, шевельнулся, готовый соскользнуть на пол, и замер.

Надя вскинула глаза и тихо сказала:

– Димка пришёл в общежитие. А я к тебе собиралась. Вот мы... вместе и...

– Надя рассказала по дороге, как вы в поход ходили! Жалею, что не пошёл с вами, – сказал Димка, – я же картину писал.

– И это – тебе, – Надя достала пакет с пирожками. – Давай уже выздоравливай, Серёжка! Я тут в деревню смоталась, пуха гусяного привезла. Сошью двухместный спальник из него, а то холодно в зимних походах! – Она посмотрела на Сергея со значением.

– А с чем пирожки? – спросил Димка и, выхватив один, принялся жевать.

– Вообще-то это мои пирожки, – выдавил из себя Сергей.

– Да пусть ест! Тебе что, жалко? – засмеялась Надя. Ей было смешно, как по-детски он себя ведёт, когда и так всё ясно.

Они ушли.

Сергей какое-то время лежал неподвижно. Потом с ненавистью взглянул на забинтованные руки. Вскочил и нанёс резкий боксёрский удар в стену. Чуть не заорал от боли.

– Ну, нет, – стиснув зубы, прошептал он. – Это мои пирожки.

Тридцать третью годовщину своей свадьбы Сергей Иванович и Надежда Петровна решили праздновать скромно, в семейном кругу. Дочка пришла с зятем и двумя внуками, да сын с беременной женой. Вот и все гости. Не успели выпить шампанского, в дверь позвонили.

– Димка! Вот уж кого не ждал... Ты откуда? Тебя и в городе лет пятнадцать уже не было! Ты ведь у нас известный художник!

– Ну, как я мог пропустить такое событие? А это вам, ребята, – начал разворачивать свёрток бывший однокурсник.

На картине была изображена отвесная стена, изрезанная кулуарами. А на вершине – два силуэта. Мужчина и женщина.

– Малый Зуб, что ли? – узнал Сергей.

– Он самый. Эту картину в тот самый Новый год писать начал. Помнишь, денег у тебя займы просил? Хотел Наде нарисованные горы подарить, но... опоздал. Вы тогда уехали уже. Серёга подарил настоящие... Недавно перебирал старые холсты, нашёл, дописал на вершине вас – вдвоём, вот...

– Надо же! Садись к столу, Димка! Сам-то ты как? Женат?

– Нет, не встретил такую, как Надя... Ладно, что обо мне. За вас, ребята! За вашу любовь! – поднял Димка бокал.

Пикник на ручье Алгуйском

В конце восьмидесятых Анатолий, студент геофака, подрабатывал инструктором на турбазе – водил группы туристов по Поднебесным Зубьям. Группы случались разные, в зависимости от их подготовки выбирался маршрут. Анатолий, сочетая приятное с полезным, исходил за лето все тропки в любимых горах, да ещё и зарплату получал.

– Завтра выходишь, группу тебе подобрала в этот раз нормальную. Думаю, проблем никаких не будет, – бодрым голосом сказала Анна Петровна, старший инструктор.

– Семейные? – спросил Анатолий, помня, как намаялся прошлый раз с шустрыми детишками, пока их родители «культурно отдыхали».

– Нет! Сам увидишь! Вон твои орлы, иди, знакомься!

«Орлы» – восемнадцать крепких мужиков в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти, шахтёры, приехавшие на базу по профсоюзной путёвке. Мужики преданно смотрели на Анатолия, что называется, ели глазами, всем видом показывая полную готовность к активному отдыху. Что-то в одинаковых взглядах столь разных людей показалось знакомым. Так же старательно глядел на мачеху отец в день зарплаты, изо всех сил стараясь выглядеть трезвым. Насчёт отсутствия проблем с этой группой зашевелились сомнения.

«Ладно, – подумал Анатолий, – где наша не пропадала!

Не из таких ещё – туристов делали! Восемь дней – не восемь лет».

Распределил обязанности, назначил завхоза, получил вместе с ним продукты и снаряжение.

Два часа езды до Лужбы шахтёры опохмелялись. Анатолий не препятствовал: всё меньше бутылок останется тащить с собой наверх. Оставалось лишь пассивно наблюдать, делая вид, что сохраняешь контроль над ситуацией. Мужики вели себя прилично, к другим пассажирам не привязывались. Хоть за это спасибо.

Вышли из электрички с чувством лёгкости и свободы. Таковую окрылённость могут испытать люди, которые враз решились оставить дома сварливых жён с надоевшими тёщами и непослушными отпрысками, чтобы отправиться в горы чисто мужской компанией.

Прошли немного по берегу и начали грузить рюкзаки в лодки, чтобы переправиться на другой берег Томи, откуда начинался запланированный маршрут. По тому, как тяжело падали рюкзаки на днище, издавая жалобное бряканье стеклотары, инструктор догадался, что осталось не так уж и мало. Шахтёры шли медленно, кряхтя под тяжестью драгоценной ноши, которую бережно опускали на землю во время частых перекуров. Встали на обед в устье ручья Алгуйского. Расстояние, которое должны были пройти за час, с трудом преодолели за три. Анатолий понял, что сегодня – группа не ходовая.

«Что ж, пойдём на компромисс – сделаем полуднёвку. Пусть ребята лишнее выпьют, съедят, а завтра налегке двинемся дальше», – решил он.

– Эх! Обстановочка! – обрадовались шахтёры, – это тебе не в забое: травка, солнышко – лепота!

Быстро разбив лагерь, сварили обед.

– Вот всё плохо, плохо, плохо, и вдруг – хорошо! Выпьем за нас, мужики! Славно, что мы решились на этот поход! – прозвучал первый тост.

Основательно закусив, шахтёры организованно разделились на две группы и уселись на бережку играть в карты на высадку. Кто проигрывал пять раз – доставал бутылку из своего рюкзака. Под водочку время катилось так же быстро, как воды сбежавшего с гор Алгуйского ручья. Шахтёры жадно вдыхали густой от ароматов разнотравья воздух, с непривычки часто кашляли, отхаркивая уголь из лёгких.

Вечером на общем совете Анатолий озвучил планы на завтра:

– Нужно взять Шорский перевал и спуститься на реку Малый Казыр, по тропе подняться до ручья Высокогорного, где стоит Большой приют. Вот там, действительно, лепота, мужики! Не то, что здесь – проходной двор!

– К-командир! – слегка заикаясь, миролюбиво сказал Валера, староста группы. – А д-давай поживём здесь! Как н-надоест – так и пойдём! Нет, ты п-пойми правильно, ребята только из забоя, солнышко увидели. К-красота! – повёл он

в сторону могучей рукой.

– А т-тут идти к-куда-то! – Валера приобнял за плечи инструктора, возвышаясь над ним на целую голову.

Анатолий не стал возражать. Не завтра, так послезавтра им всё это надоест – тогда можно будет продолжить маршрут.

Наутро всё повторилось. Спиртное, завтрак и карты. К обеду водка у мужиков неожиданно кончилась, и проигравшие бегали за ней на станцию: три километра до реки, потом вплавь через Томь, так как лодки курсировали только к прибытию электричек, ещё километр до магазинчика на перроне. Итого: восемь километров в оба конца. Особо одарённые умудрились сгонять раза по четыре. Купить сразу несколько бутылок – то ли не соображали, то ли надеялись, что больше не проиграют.

Инструктор с тоской ждал, когда шахтёрам наскучит сидеть на одном месте, и они выйдут, наконец, на маршрут. Было очевидно, что мужикам всё больше и больше нравился именно такой «поход».

Анатолий не хотел обижать шахтёров, но и пить больше не мог. Его душа рвалась вверх, к вершинам. На третий день ещё до подъёма группы он убежал на пик Запсиба. Размяться, вдохнуть красоту гор и ощутить полёт. Взбежал на пик, осмотрел окрестности. Вот она – свобода! Высокомерные облака не смели увернуться. Здесь ты с ними на равных. Протяни руку и хватай! Паришь на вершине, как птица!

Жаль, что «орлы» к высоте вовсе не стремились.

Возвращался к лагерю с опаской. Что там у них?

Всё было в порядке: нетрезвые дежурные исправно доваривали ужин. Остальные дружно сидели вокруг костра и привычно держали в руках кружки.

На лицах своих подопечных Анатолий увидел явное осуждение.

– К-командир! – мрачно произнёс Валера, из-под бровей глядя на инструктора. – У Виктора Михалыча сегодня день р-рождения. Он з-заслуженный шахтёр, проходчик. У него одних медалей – к-килограмм. А ты отбился от к-коллектива! Ты нас об-бидел, к-командир!

Анатолий армию служил, про мужское братство понимал... Надо срочно заглаживать вину! Быстро окинув взглядом стол, поднял кружку, заботливо наполненную кем-то до краёв.

– Простите, мужики, не знал. Но мы можем наверстать упущенное! За тебя, Виктор Михалыч! И пусть у тебя всегда будут рядом твои преданные друзья! – выпил, обтёр тыльной стороной ладони губы.

– Вот, это по-нашему! – заулыбались просветлённые лица, а растроганный Михалыч даже полез целоваться.

Тут подоспела гречневая каша с тушёнкой. Дежурные щедрыми половниками разложили её по алюминиевым мискам, подобострастно расставили перед каждым едоком и замерли в ожидании. Валера почерпнул полную ложку исходя-

щей ароматом жирной гречки, взял в рот, медленно, со вкусом, прожевал, шевеля бровями, проглотил, прикрыв от наслаждения веки, а потом поднял вверх большой палец, только тогда они расслабились, сели в круг сами.

– Зинка, падла, грит, пропаду без неё! Вон какую кашу сварганили! Песня, а не каша! – скороговоркой бормотал Митяй, крепкий мужичок лет сорока, ловко орудуя ложкой.

Михалыч тут же выдвинул новый тост:

– За нас, мужики, чтоб не пропали без баб, язви их в капусту!

Шахтёры солидарно выпили и дружно принялись за еду.

– Ну, тебе-то, Михалыч, грех на свою жаловаться, – произнёс Митяй, – твоя Ирина Степановна – женщина, что надо! И сготовит, и рюмочку поднесёт!

– Рюмку, может, поднесёт, но по будням не даёт! – неожиданно брякнул Михалыч.

– Чего не даёт? – опешил Митяй.

– Как чего? Этого, самого! – хитро ощерился гниловатыми зубами Михалыч.

– Ну ты, Михалыч, даёшь! Тебе сколь годов-то? Неужель ещё...

– А то, – выгнул грудь колесом Михалыч.

Мужики загоготали.

– А я вот и рад бы, а после того обвала и бабу не хочу, – тихо сказал Серёга, среднего роста мужик в клетчатой рубашке.

– А что так? – поинтересовался Анатолий.

– Вот, понимаешь, Толян, всегда на работу как на праздник иду. Механик я, на комбайне шахтовом работаю. А в тот раз говорю жене: не хочу, мол, сегодня в забой идти, и всё тут! Она и обрадовалась. Позвони, грит, начальству, у тебя же отгулы есть. И поедем на дачу. Да, аккурат, дело в пятницу было. Я там крышу перебирать затеялся. Сомневался ещё, успею ли за выходные. Вот она и рада, что лишний день на даче отмантулю. Звоню начальству: так, мол, и так. Не охота, что-то идти, сил нету. Николаич, он у нас с понятием, спрашивает, не заболел ли я часом. Нет, говорю, а вот не могу идти, да и крышу чинить задумал. Он грит, ну ладно, Серёга, отгул у тя есть, присовокупи к выходным ещё денёк. Приехал на дачу, сижу на крыше, снял старый рубероид, обрешётку подправляю. Вдруг вижу, жена моя, Валя, лезет ко мне наверх. А на самой и лица нет. Сядь, грит, Серёженька, поудобней, чтоб не свалился с крыши-то. Держись крепче. Участок твой завалило полностью. Обвал на шахте-то. По радио об аварии говорили. Да, мужики, не помню, как тогда и с крыши слез. Это ж надо, а? Я как жопой почувял, не пошёл на работу, а ребята... До сих пор не могу ихним жёнам в глаза глядеть.

– Да, ладно, Серёга, твоя вина, что ль? Работа у нас такая, – нахмурились шахтёры.

– У меня в тот раз брата убило, – сказал Митяй.

– Давайте, мужики, не чокаясь, за братьев наших, что там

навсегда остались! – строго и торжественно скомандовал Валера.

Шахтёры выпили. Молча жевали кашу, сосредоточенно думая о своей нелёгкой судьбе. Шутка ли – весь южный участок со всеми штреками и забоями взорвался, а вскоре был затоплен. И это не где-то там, в далёкой Америке. А здесь, на родной шахте, которую они знали, как свои пять пальцев, куда сами спускались каждую смену...

– Всё газ, метан этот... Вентиляция не справляется!

– Ну, да, говорил же брату, измеряйте уровень загазованности, дык нет! – с горячностью, будто пытаясь всё повернуть вспять, кипятился Митяй.

– Да, ладно ты, сам не знаешь, что ли, как эти замеры проводятся! Если по приборам работать... много ты на-гора выдашь?

– И не говори! Да и мы приборы ватниками прикрываем, чего греха таить. Только ведь тоже до поры!

– Сколько техники пропало! Комбайны, струги, электровозы с вагонетками, эх! – столько труда насмарку! – Серёга потёр левую сторону груди под расстёгнутой рубахой.

– Да что техника, людей жалко!

– Да что людишки, хто их щчитат? Бабы новых нарожают, – подмигнул Анатолию Михалыч.

– Вот с тех пор и бабу-то свою не хочу, – пробормотал

смущённо Серёга, продолжая первоначальную тему разговора. – А какая тут связь – сам не пойму.

– А чужую хочешь? – задорно спросил Митяй.

– Чужую? Не-е. Я Валю люблю.

– Это пройдёт! Это от стресса. Вот посидим ещё денёк-другой на солнышке, подлечимся, выхаркаем уголишко из лёгких. Приедешь, да обрадуешь Валю свою, – подмигнул Михалыч, – ну, а сам не сможешь – мы всегда подмогнём!

Опять раздался взрыв хохота.

Утром сверху пришла группа туристов. Остановились поздороваться. Знакомый инструктор сказал, что они видели на тропе медвежьи следы.

Шахтёры востепенелись. Угостив чужого инструктора сигареткой и водочкой, порасспросили подробности. Вскоре группа ушла – торопилась на электричку. Мужики, засидевшиеся без дела, посоветовались и решили сделать ловушку. Тут же дружно принялись за работу: отпилили от поваленного ствола толстенное бревно, прицепили его найденной где-то верёвкой к мощной ветке кедра так, что оно горизонтально висело под веткой на уровне груди мужика среднего роста.

– Задумка такая, – охотно пояснял Макарыч, седоватый шустрый мужичонка, – медведь выходит из леса и нечаянно задевает бревно. Оно отклоняется и, возвращаясь, бьёт его. Он злится – толкает сильнее, бревно опять – со всей дури

бьёт медведЯ – делает ударение на последнем слоге Макарыч. – В конечном итоге – пи... ец Потапычу!

– Медведь – д-дурак, что ль – толкать б-бревно? – засомневался Валера.

– Ну, дурак, не дурак, – сказал понимающий в охоте Макарыч, – а это действует безотказно!

После обеда опять засели за карты. Время от времени кто-нибудь из мужиков подходил к бревну, отклонял его примерно на полметра и отпускал, бревно неизменно возвращалось, уходило маятником в противоположную сторону. Макарыч снова и снова объяснял принцип действия ловушки на медведя всем желающим. Шахтёры одобрительно кивали хмельными головами и возвращались к прежнему занятию.

Анатолий, смирившийся с положением дел – не хотят мужики идти по маршруту, ну и не надо! – отсыпался в палатке.

Карточная эпопея продолжалась и после ужина. Тихий вечер плавно переходил в тёплую ночь. От ручья повеяло влажной прохладой. Застрекотали в траве кузнечики, проснулись ночные птицы. Спустившаяся с гор темнота была плотной. В оранжевом свете костра масти едва возможно было различить. Мужики с сожалением отложили карты.

– Хорошо-то как, господи! – Валера тяжело поднялся, потягиваясь, задрал голову к ярким мерцающим звёздам, обвел сидящих у костра товарищей и зачем-то сообщил: – Пойду отолью!

– Погодь, Валерка! Я с тобой! – едва сумел подняться

щуплый, как подросток, Игорь.

Он был пьян сильнее других, так как не корректировал количество спиртного применительно к своей массе тела и пил наравне с бугаём Валерой и другими большими мужиками. Пьяная парочка, пошатываясь и поддерживая друг друга, шагнула в темноту.

Спьяну Игорь не заметил бревна, навалился на него, бревно отклонилось. Игорь по инерции качнулся вперёд, не удержал равновесия и повалился в траву. Бревно, которому он задал при этом приличную скорость, начало возвратное движение, ударило с маху в бок ничего не подозревающего Валеру и опять отправилось в противоположную сторону, где уже начал подниматься Игорь. Подняться ему так и не удалось.

Вряд ли когда-либо раньше вековая тайга слышала такие маты. Вряд ли она услышит их позднее.

Валера, угрожая невидимому в темноте врагу, поднялся на карачки, потом встал покрепче на ноги и приготовился. Когда бревно приблизилось, он со всей силы оттолкнул его обратно. Игорёк только что сумел подняться, но не успел выпрямиться, когда его так долбануло в лоб, что он отлетел в сторону и потерял сознание.

На крики и маты прибежали шахтёры. Бревно методично зацепило ещё двоих, потом ещё одного, последнего. Наконец, всё уладилось. Шахтёры выбрали щуплого Игоря, наиболее пострадавшего от медвежьей ловушки, понесли его

к костру и бережно уложили на травку.

– А ты говорил: медведь – не дурак! – Макарыч насмешливо глянул на Валеру.

Валера в запале хотел кинуться на Макарыча, но Михайлыч, ещё один пострадавший от коварного бревна, предложил принять анестезию.

Все дружно выпили, расслабились и принялись хохотать над собой и друг другом.

– Может, отвязать его? – осторожно спросил Серёга.

– Да ну его! В темноте опять на него нарываться... Завтра по трезвянке отвяжем.

Ночью разыгралась гроза. Сильный ветер порывами гнул деревья, раскачивал бревно. Ветка, на которой оно держалось, не выдержала, обломилась, бревно со скользом прошло по одной из палаток, завалилось сверху на Макарыча.

Многоэтажные лексические конструкции разбудили тайгу и лишь недавно утихомирившихся шахтёров. Опять все поднялись, забегали, разожгли костёр. Злополучное бревно откинули в сторону.

– Может, подальше его отнести? – с опаской предложил Виктор Михалыч.

– Да пошло оно... – возразил Макарыч, потирая ушибленное плечо, – надо это... чайку попить, нервы успокоить. Где котелок?

И Макарыч затрусил по тропинке к речке. Набрав полный котелок воды, решил срезать обратный путь – пройти через

Пока готовился супчик, вернулись гонцы с последними шестью бутылками и тревожной новостью:

– Водка в магазине кончилась. У продавщицы остался только ящик коньяка.

Собрание шахтёров вынесло вердикт: надо брать коньяк. Весь.

Анатолий, утомлённый столь активным отдыхом своей группы, попытался возразить:

– А зачем нам ящик коньяка?

Шахтёры переглянулись, насмешливо глядя на Анатолия, непонимающего очевидное.

Виктор Михалыч сладко зажмурился и начал издали:

– Представляешь, командир, мы в шахте. Глубоко под землёй рубим уголь. Каждую смену лезем в забой и рубим уголь, так нужный нашей Родине. Много раз мы мечтали пробить дыру вверх, вылезти в каком-нибудь магазине и доставить прямо в забой ящик коньяка. И вот наша мечта, кажется, сбывается. А ты режешь её на корню. Ты и так, Толян, жестоко нас надул. Так что сиди и не рыпайся!

Анатолий изумлённо подался вперёд, пытаясь понять, в чем же причина внезапной немилости. Михалыч коротко взглянул на него, презрительно цыкнул зубом и продолжил:

– Ты нас заверил, что деньги в тайге не нужны. Эх, ты! Хорошо, что шахтёра не обманешь! Короче, доставайте, мужики свои заначки, у кого, сколько есть.

Из самых невероятных мест стали извлекаться на свет

и падать на замызганную газету, чудом сохранившуюся в походной жизни, смятые бумажки. На ящик коньяка не хватало. Головы шахтёров как по команде повернулись к Анатолию.

– Дай взаймы, к-командир, – попросил Валера.

– У меня только общественные, на обратный проезд. Не дам, – с металлом в голосе сказал Анатолий.

– Да к чёрту эту электричку, пешком за два дня дойдём! – азартно воскликнул Митяй.

– Нет, – повторил Анатолий, твёрдо зная, что без билетов он не сможет отчитаться за поход.

Шахтёры лихорадочно чесали репы. Чем недоступней был ящик коньяка, тем сильнее было желание его приобрести.

– Мужики! – слабым голосом пискнул Игорь, с большим синяком на голове лежащий в теньке на травке, – у нас ведь полно тушёнки, сгущёнки, да этих... консервов разных...

– Точно, – обрадовано подхватил Серёга, – это же дефицит! Молодец, Игоря! Удачно на твои мозги бревно повлиядло! Продавщица запросто возьмёт консервы в обмен на коньяк!

После обеда экспедиция из самых надёжных четверых человек двинулась на станцию. Продавщица, честная женщина, сосчитав все деньги, к ящику добавила ещё две бутылки. Донесли ящик до переправы. Соблазн попробовать коньяк был слишком велик.

– Ну, давай, по маленькой! Всё равно две бутылки лиш-

ние! – уговорили они друг друга.

Коньяк был хорош. Хотелось, конечно, проглотить и вторую лишнюю бутылку. Но чувство совести у самых надёжных было на высоте. Коньяк был бережно перевезён через реку. С гордо поднятыми головами гонцы дошли до лагеря.

А там вовсю шла приятная суета. В подготовке праздника принимали участие все. Их подручных средств был сделан большой стол, на котором красовались пучки свежесобранной колбы, луковицы саранки, и даже сочные листья лесного щавеля. Макарыч колдовал над папоротником орляком, жаривая его чешуйчатые спирали на крышке от котелка.

Ящик коньяка торжественно водрузили на стол. Лишнюю бутылку тут же пустили по кругу, отхлёбывая прямо из горлышка. Да, коньяк был хорош!

Потом все чинно расселись вокруг стола и заворуженно уставились на этот старый деревянный ящик, в котором красовались двадцать бутылок прекрасного армянского коньяка, в качестве которого они уже успели убедиться. Ящик, случайно оказавшийся в магазинчике на богом забытой станции и дождавшийся их праздника. Шахтёры смотрели на коньяк, сглатывая слюну и не решаясь почать ящик. Вот вытащишь из него, возмёшь одну бутылку – и всё. Это уже не ящик коньяка. Это будет просто коньяк. Просто бутылки.

Наконец Валера решил нарушить волшебную магию ящика.

– Я б-больше двадцати лет отпахал в з-забое. Что я п-пра-

ва не имею? – Он веско шевельнул бровями и достал, распечатал бутылку.

Дальше всё было буднично и привычно. К обеду следующего дня ящик опустел. До конца похода оставалось ещё два дня.

Анатолий воспрял: жизнь налаживалась! Может хоть немного пройдёт по тайге его странная группа!

Утром на всякий случай гонцы всё же слетали на станцию. Магазин был девственно пуст. Зато посыльные принесли обнадеживающую новость:

– Большая толпа рижских туристов, человек сто пятьдесят, в основном – бабы! – движется в сторону Алгуй!

– На туриаду приехали! – пояснил Анатолий и с недоумением спросил:

– Ну, а вам-то что с того, что приехали?

Митяй, потирая руки, произнёс:

– Я уже договорился. Поможем им поднять снаряжение – они дадут литр спирта!

– Вы свои-то рюкзаки четыре километра кое-как пронесли, а тут семь километров, да ещё в гору, чужое снаряжение тащить! – с сомнением усмехнулся Анатолий.

– Обижаешь, командир! Это мы в неволе не можем размножаться. А на воле-то мы ещё – ух! – Шахтёры засуетились и все как один, вышли на охоту.

Рижанки с удовольствием отдавали свои рюкзаки бравым сибирским парням. Мирно беседуя и дипломатично нала-

живая контакты с прибалтийскими туристками, шахтёры отправились по дороге вверх. Анатолий остался охранять брошенный впопыхах лагерь.

К ночи все восемнадцать орлов, довольных и гордых своим подвигом, вернулись. Они не только донесли рюкзаки до места, помогли разбить лагерь и заготовить дрова. Они ещё умудрились поучаствовать в фуршете по случаю открытия туриады.

Обещанный литр спирта и полную авоську невиданных в сибирской глубинке заморских продуктов добытчики гордо принесли с собой. Чинно сели у костра. Пустили по кругу пачку сигарет с фильтром. Разлили по кружкам спирт.

– Эх! Жалко, что завтра уезжаем! За тебя, Толян, славный поход ты нам устроил. Век не забудем, как отдохнули! – Дружно сомкнули кружки, чокаясь.

Ночь была тихая, звёздная. Шахтёры постепенно разбрелись по палаткам. Выспавшийся днём Анатолий долго сидел у костра.

Вот ведь ирония судьбы: он так нервничал всё это время, что не смог провести их по маршруту, не выполнил намеченные мероприятия. А люди так благодарили его, что даже стыдно. А что, нормальные мужики. Отдохнули, как сумели.

До прихода электрички оставалось часа два. Анатолий окинул «орлов» критическим взглядом. Выпито всё, деньги у них кончились. И в магазине водки больше нет, проверено. Значит, предстанут перед светлые очи своих благоверных

как огурчики. Спокойно можно оставить их и забежать проведать друга на метеостанции.

Когда Анатолий вернулся, от увиденного его бросило в дрожь. «Орлы» спали вповалку прямо на платформе. Лишь один, самый молодой из них, Димка, сидел на корточках перед ведром с какой-то бурой жидкостью.

– Диман, что случилось с народом? Почему все спят?

Вполне трезвый Диман грустно поведал следующее:

– Ты ушёл, а тут подъехал грузовой состав. Остановился. Макарыч, он же работал раньше на железной дороге, понимает, он и говорит: вон та цистерна – с вином. У бабульки какой-то выпросили ведро. Макарыч чего-то поколдовал. Через какой-то клапан нацедил ведро, заполнил все котелки наши и ещё всем желающим на станции налил. Их чё-то развезло на жару, вот и сморились, спят вон.

– Да вижу я, что спят. А ты почему не спишь? – спросил Анатолий.

– Дык, не пью я вино, у меня с красного изжога – скорбно признался Диман. – А это тебе берегу. Мужики наказали тебе оставить, – показал он на ведро.

Тут засвистела и приближающаяся электричка. У станции несколько железнодорожников укладывали в сарай инструменты. Анатолий схватил ведро, в котором колыхалось ещё литра три бурой жидкости, подбежал к ним с просьбой:

– Земляки! Вот вино. Ведро отдадите вон той бабушке. Помогите погрузить моих «орлов» в электричку!

– Нет проблем! Поможем, конечно! – ответил пожилой железнодорожник.

Кое-кто из туристов смог забраться в вагон самостоятельно, остальных рабочие погрузили, как брёвна.

Когда Анатолий сдавал на базе группу Анне Петровне, та удивлённо сказала:

– Вот это ты их уработал! – и, обращаясь к туристам, спросила: – Трудный, наверное, поход был?

Шахтёры молчали, всем видом показывая, как они устали и измучились.

Анна Петровна покачала головой, потом удовлетворённо кивнула и сказала:

– Молодец, Анатолий! Вижу, можно тебе доверить группу и посложнее. Студентки мединститута. Выход через три дня. Иди, отдыхай пока!

2012 год

Приют на ручье Высокогорном

– Вот твоя группа, – сказала старший инструктор, – на сей раз девочки! Студентки мединститута. Береги их, Толик!

Девчонки выстроились шеренгой, и все: от малюсенькой, вертлявой финтифлюшки на одном фланге до двухметровой гренадёрши на другом – смотрели одинаково насмешливо. Вообще-то я не робкого десятка, но тут поёжился, словно за воротник сунули мороженое, и оно проехало между лопатками. С тоской представил себе, как я с ними весь поход – один... Но действительность превзошла самые невероятные из предположений.

Жалея девчонок, групповое снаряжение и большую часть банок тушёнки-сгущёнки сложил в свой рюкзак. И теперь пёр в гору по каменистой тропе килограмм пятьдесят, не меньше, размышляя, зачем мне это надо. У студенток рюкзаки неожиданно оказались тоже тяжёлыми. Они едва тащились, то и дело уговаривая остановиться на ночёвку или хотя бы на перекур. На уговоры я не поддавался – помнил алгуйский поход с шахтёрами.

«Чего ж они нагрузили туда, заразы? Ведь вся снаряга у меня», – гадал, уводя группу в тайгу – как можно дальше от цивилизации. Лишь изредка, в трудных местах, оглядывался. Помогать приходилось только Ленке. Большая

и нескладная, она постоянно спотыкалась и падала. Я помогал ей перелезть через упавшие на тропу большие валуны, переходить по бревну ручьи. Остальные кряхтели и тормозили, но шли самостоятельно.

Вечером, когда у самого языка уже прочно прилип к плечу, повалился в траву.

Девчурки повытаскивали из рюкзаков размером с чемодан косметички, банные халаты и побежали плескаться на Казыр. В монотонную мелодию воды ворвались визги сладкого ужаса.

– Нужно назначить дежурных, пусть готовят ужин, – сказал я, всматриваясь в чистые личики под тюрбанами махровых полотенец. – Остальные, ставьте палатки. Первый раз с лагерем и костром помогу. Смотрите и учитесь: дальше сами.

– И ещё, это... Палаток мало, – промямлил я, почему-то оправдываясь. – Выберите двоих, кто будет спать в моей...

– А чего тут выбирать? – весело сказала Женька, самая красивая из девчонок. – Нас восемнадцать, поход девять дней, вот и будем дежурить по двое, и спать с тобой тоже по очереди! Как у султана в гареме: каждый день – две любимые жены! – Она задорно подмигнула, и над лесом стайкой вспорхнул девичий смех.

Вот болтушки!

Поставив палатки, занялся костровищем. Запахло дымком и неуловимым подвохом. «Любимые жёны» – Женька

с Оксанкой – чистили картошку. Когда вода в котле уже зашевелилась, готовясь закипеть, Женька споткнулась, перевернула котёл и залила весь костёр.

– Ой, – тут же вскрикнула Оксанка, посасывая порезанный палец.

Прогнав неумех, на что они ничуть не обиделись, а с весёлым чириканьем занялись какими-то женскими делами, быстро сварил супчик, заварил чай, нарезал хлеб, сало и пригласил группу к ужину. Студентки уплетали за обе щёки и подхалимски хвалили.

– Посуду помоете сами, – буркнул я и пошёл к палатке.

Тело ныло, я намеревался сразу завалиться спать.

– Ой, а ты что – мыться не будешь? – Подкрались Женька с Оксанкой, – мы с таким грязным спать не будем!

– Да ёлки-сосны-веники! – Не выдержал я. – Можете ложиться на улице! Летом каждый кустик ночевать пустит! – И мстительно добавил:

– Мне плевать, что вашу нежную кожу слегка попортят комарики!

– Ладно, пусть нас сожрут кровососы и мы умрём! – хором сказали «любимые жёны», вытаскивая из палатки свои коврики и спальники. – Но ты! Ты весь остаток жизни будешь жалеть об этом!

Ни мыла, ни полотенца у меня не было – никогда не брал в поход ненужное барахло! «Смотри-ка, чистюли: не будут они с грязным спать! – чертыхался я, направляясь к ре-

ке. – Интересно, а с чистым будут... спать? И как – две сразу?» Кипящий между валунов Казыр обжёт холодом и быстро охладил воображение. Бр-р! Кое-как смыв пот, собрался выскакивать. На берегу стояла Женька. Она что, следила за мной? С какой целью?

– Вот, мыло тебе принесла.

Блин с морошкой! От ледяной воды начали неметь ноги. А девица беззастенчиво уставилась на меня и уходит, кажется, не собиралась. Скукоженный от холода, побрёл к берегу.

– Может, спинку потерять?

– Да, нет, спасибо, иди уже, твой взгляд бесстыжий... заморозил совсем! – Струсил я.

Женька хмыкнула и, покачивая бёдрами, пошла в лагерь.

– Ну, теперь-то я могу лечь? – спросил я, возвращая полотенце.

– Конечно, любимый, – захихикали девчонки и остались у костра – петь песни.

Обычно я спал в спальнике голым, но тут... Неудобно как-то. Залез в одежде, повозился с непривычки, и вскоре уснул.

Разбудили первые лучи солнца.

«Любимые жёны» сладко посапывали, широко раскинув ноги-руки. Нагие, между прочим... Такие длинные гладкие ноги... не понять, где чьи... гибкие лианы-руки... а грудки... а...

Я пялился на выпрыгнувшие как черти из коробочки со-

кровища, как вдруг вспомнил наказ старшего инструктора:
– Береги их, Толик!

Однако сейчас эти слова для меня звучали: «Бери их, Толик!»

Вылез из палатки от греха подальше и побежал гасить пожар в пенной воде Казыра.

Если вам когда-нибудь доводилось будить ранним утром восемнадцать студенток во время летних каникул, то вы понимаете, какой это тяжёлый и неблагодарный труд!

Сони крепко дрыхли, не желая просыпаться, потом неторопливо умывались, копались в необъятных баулах с косметикой, причёсывали длинные волосы. После завтрака, который снова пришлось варить самому, мытья посуды и обвинений в жестоком обращении я вывел девушек на тропу.

Всё! С меня хватит! Больше никаких «жён» в палатке! Все четырнадцать километров до приюта, куда решил отвести их для следующей ночёвки, я тащил трёхпудовый рюкзак и молча возмущался: за что мне всё это? Угораздило же: я один, а их... Ишь, чего придумали, жужелицы! Попытки искушением! Скорее бы этот поход закончился!

...А всё-таки та попка славная... Интересно, чья: Оксанина или... Хорошо бы – Женькина! А может, нужно было...

Двухэтажная деревянная изба пустовала. Девчонки забрались на второй этаж, побросали рюкзаки на дощатые насти-

лы, достали чудовищные косметички. Я напомнил про ужин. Но дежурные – ага! Так и кинулись выполнять! – Даже ухом не повели, бабочки-капустницы!

Позже, уже по темноте, к приюту, закончив сложный маршрут, подошла группа из восьми парней.

Девчоночки оживлённо защебетали, зашептались, подошли ко мне с заговорщицким видом:

– Толик, а можно мы с той группой совместный ужин организуем?

– Что, нахаляву и уксус сладкий? Не стыдно? Идите, варите...

– Нет, ты не понял. Конечно, сами приготовим! И пригласим их на ужин, ладно? Они же только что с гор спустились, устали...

И мои неумёхи развили бурную деятельность: чего-то резали, строгали, крошили, ловко управлялись с котлами на костре, в которых булькало и скворчало, а умопомрачительный аромат долетал до второго этажа.

Я был потрясён.

Но ещё больше удивился, когда к фляжке с болтающимся на дне спиртом, которую выставили на общий стол парни, студенточки добавили несколько бутылок. Водка? В бутылках? Верх глупости! Да ещё в таком количестве! Вспомнил свой тяжёлый рюкзак: я тащил за них всю снарягу, а они – для чужих мужиков! Водку! В стеклотаре!

Обида затопила и испортила вечер. Я быстро поел и вы-

скользнул из-за стола. Моего ухода даже никто и не заметил. Ну и пусть! Я раскатал коврик на нарах в самом дальнем углу, постелил спальник, разделся догола и попытался уснуть. На улице, у костра плескалось веселье. Взывались над тайгой песни под гитару, взрывы хохота рикошетили от деревьев и возвращались гулким эхом...

Сквозь сон услышал, что кто-то громко икает, стелясь рядом. Повозился, затих. Но икание продолжалось.

– Толи-ик! Ик! Я замёрзла! – узнал я голос самой мелкой, финтифлюшки Светки.

Молча расстегнул спальник. Она ловко скользнула в него и прижалась. Постепенно согреваясь, Светка начала осваиваться: маленькая ручка невесомо легла мне на грудь, замерла на несколько мгновений и медленно, очень медленно и щекотно поползла вниз... задержалась... потом вернулась, дошла до плеча, зато всё лёгонькое тело непостижимым образом просочилось на меня и растеклось, безупречно совпадая всеми выпуклостями и впуклостями с моими. Наши губы соединились. Тяжело дыша, поднимались в гору, выше и выше. И вот мы на вершине! Летим, парим над тайгой!

«Как упоительны в России вечера-а-а» – подхватил и понёс в небо песенный поток...

– Смотри, девчонкам не проболтайся – они меня сожрут, – деловито сказала Светка, выпархивая из спальника.

Утро началось с криков. Михаил, руководитель группы парней, бегал по этажам избы и матерился:

– А ну, выходите, едрит твою кикимору! На электричку опоздаем, ёлы-вилы-гамадрилы!

Толку было мало. Обитатели базы, и мои, и Мишкины, вылезать на свет не спешили.

Наконец парни отлепились от сладких прелестей и надели рюкзаки. Я смотрел на них с чёрной завистью: скоро будут дома!

А парни завидовали мне – что остаюсь здесь...

Девчонки поняли, что вчера выдали свои хозяйственные навыки, и без напоминаний занялись приготовлением завтрака. Махонькая Светка, ужасно важничая, руководила процессом. Было непонятно, как при таком росте ей удавалось поглядывать на всех свысока.

Улучив момент, шепнул, что мне понравилось вчера, в спальнике. Светка распахнула круглые глазищи:

– О чём ты, Анатолий? Тебе что-то приснилось? Или так сильно проголодался?

Погода испортилась. Пошёл мелкий холодный дождь. Девчонки расположились на нарах, принесли остатки водки. Выпили за погоду, потом за любовь. Светка взяла гитару:

– *Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в стране далёкой, буду тебе женой!*

Остальные дружно подпевали.

Я пошёл покурить на улицу. Поднимаясь по лестнице, услышал, как Женька в красках рассказывала о своих приключениях вчерашней ночью. Студентки хохотали, а я почему-то расстроился. При моём появлении Женька смолкла, потом забрала гитару и, откинув за спину тяжёлую косу, запела:

– В дом ко мне вошла без стука скука. И спросила протодушно: что, брат, скучно? Я какая-никакая, всё ж душа живая, так давай с тобою вместе поскушаем...

Вечером, когда петь уже надоело, а дождь всё не кончался, я вспомнил стандартный прикол туристов.

– Знаете, девчонки, что здесь, на Поднебесных Зубьях, даже в плохую погоду можно увидеть звёзды? Евгения, не желаете ли взглянуть?

Все уставились на Женьку. Она почувствовала подвох, но гордость не позволила отказаться. Улеглась на нары перед окном. Я распротёр над ней найденный в избе ватник. Светка кинулась помогать, расправила и вытянула рукав к окну, как подзорную трубу.

– Надо очень долго смотреть, – говорил я, – и тогда обязательно увидишь, – с этими словами поднял котелок с киселём и направил струйку в рукав...

Женька мгновенно вскочила, зарычала как пантера, по перекошенному от ярости лицу и волосам сползал густой ки-

сель. Выхватила у меня из рук котелок и выплеснула остатки. Теперь и я, и коротышка Светка тоже были испачканы вишнёвыми ошмётками.

– Ну вот, – сказал я, – бесплатно дерьма... то есть, киселя наелись...

Женька слизнула язычком сладкую каплю и мстительную улыбку в уголке губ. Взяв Светку за руку, пошла умыться.

Ночь прошла без приключений. А утром выглянуло такое яркое, радостное солнце, что откладывать радиальный выход на Большой Зуб не было причин.

– Ничего лишнего с собой не берите!

– Что? И лекарства не брать? А если кто-то заболит? – округлила глаза рыжая Лидочка.

– А если кто-то заболит – будем лечить мочой трёхнедельной выдержки! – парировал я.

Мы бодро зашагали по мокрой грязной тропе, и к обеду были у водопада.

Девчонки были очарованы открывшейся отсюда панорамой хребта Тигер-Тыш. Над припорошенными снегом спинами отрогов пирамидой возвышался Большой Зуб. Потoki воды, с рёвом низвергающиеся с высоты, радуга в мелких брызгах – зрелище завораживало. Грохот водопада заглушал слова, но лица сияли. Впервые за весь поход в душе что-то шевельнулось... Может, не такие уж они и злыдни, эти студентки...

У подножья Большого Зуба темнело озеро. С одной стороны его подпирал сползающий с хребта снежник, а с другой – вытекал ручей Высокогорный. Здесь, недалеко от озера, у зоны леса поставили палатки.

Лежал на коврике, загорал, радуясь солнцу, теплу и тому, что всё-таки провёл группу по маршруту, и, кажется, девчонкам понравилось... Пахло костром и готовящимся обедом...

– Помогите! – истошный крик, показалось, принадлежал Женьке.

Я вскочил. В озере действительно барахталась и захлёбывалась Женька, отчаянно молотя по воде руками и тщетно пытаюсь выплыть. Как был босиком, раня об острые камни ступни, бросился к озеру. Чёрная вода обожгла ужасом. Я поднырнул, приподнял девушку и поплыл на спине, поддерживая её голову над водой. Намокшие волосы извивались русальим хвостом и тянули вниз. Коснувшись ногами дна, поднял обмякшее тело на руки и понёс на берег, крича что есть мочи:

– Коврик! Несите коврик!

«Что нужно делать в таких случаях?» – лихорадочно сообщал, бережно опуская Женьку на коврик. «Кажется, нужен непрямой массаж сердца». Положил руки в замке на грудь утопшей.

– Лифчик сними, пряжкой поранишь! – заверещал кто-то

над ухом.

Трясушимися руками пытался расстегнуть металлическую пряжку купальника, она не поддавалась. Девушка уже не дышала. Наконец, с лифчиком справился. Застёжка отскочила, вывалились груди с фиолетовыми сосками.

– Ах! – выдохнули разом семнадцать девчонок. – Отходит уже! Видишь – посинела!

Это меня окончательно добило.

– Женя, Женечка! Родная, не умирай! – заорал в отчаянии. – Сейчас, потерпи, сейчас я всё сделаю!

Сложив руки в замок, стал ритмично нажимать на грудину. Так, теперь искусственное дыхание: набрав полные лёгкие воздухом, наклонился, прижался ртом к её губам, намереваясь вдуть воздух в безжизненное тело...

Женькины губы приоткрылись и внезапно впилась в меня, выпивая по капельке давешний испуг и наполняя новым. Мокрые волосы обволакивали травой-повиликой. Холодные руки не отпускали. Это был поцелуй ведьмы! Мои губы и тело предательски откликнулись... Хохот семнадцати зрительниц взорвал округу. Дошло не сразу, что меня самого надули...

На ватных ногах поднялся и побрёл прочь. В глазах стоял туман. Выкурил три сигареты подряд, только тогда немного успокоился.

Недалеко от лагеря росли ивы. Нарезав веток, сделал ша-

лаш. Постелил коврик со спальником и улёгся спать. Никого не хотелось видеть.

Перед глазами стояла картинка: чёрное озеро, мелькающая на поверхности Женькина голова, рот, судорожно хватающий воздух, и потом, когда пытался реанимировать, – жуткие синие груди, фиолетовые соски. Ужас оттого, что чуть не погиб человек из вверенной мне группы, обернулся обыкновенным разводом, жестоким розыгрышем.

Артистка, мать её – кикимора!

Я не пошёл на обед, и вечером, когда звали на ужин, послал их в болото с сестрёнками-ведьмами.

Ночью затрещали сучья, будто слон заворочался. Страшенькая Ленка и тут умудрилась запнуться и чуть не развалила шалаш.

– Толь, а Толь! Не дуйся. Ну, пошутили девчонки. Они уже и сами не рады.

Не услышав ответа, Ленка полезла внутрь.

– Ой! Да ты весь дрожишь! – на лоб легла прохладная ладошка. – Ну-ка, подвинься, погрею тебя.

Она расстегнула спальник, неуклюже втиснулась в него. Я прижался к мягкому телу, пытаюсь согреться. Её руки заботливо гладили и растирали, талия, бёдра, грудь... Стало жарко. Нечем дышать... Впрочем, всё происходило как в тумане. Я и потом не мог вспомнить, было это наяву или в воспалённом мозгу.

Пришёл в себя, когда девчонки меня... уронили. Я лежал на самодельных носилках. Потные и злые, студентки поднимали их, чтобы тащить дальше по тропе. Я пошевелился, пытаясь встать, но снова отключился.

В следующий раз очнулся уже в избе. Совершенно раздетый, лежал на нарах поверх спальника. Меня обтирали спиртом и поили лекарством. Потом долго спал.

Утром почувствовал себя сносно, даже сбегал в туалет, пока все спали. А потом залез в спальник и продолжал «болеть», уже придуриваясь: едва приоткрывал веки, подглядывая в щёлочки, и слабо стонал. Девчонки ухаживали как за малым дитём: кормили с ложечки, поили чаем. Чертовски приятно!

После обеда Женька потрогала лоб, подержала за руку, прижалась ухом к груди.

– Как хорошо, что дырочку для клизмы имеют все живые организмы! – неожиданно сказала она, выпрямляясь.

– Чего? – не понял я.

– Ты уже здоров, командир, и просто гонишь дуру! – Резко сказала она. – С каким удовольствием сейчас вкатила бы тебе клизму! Трёхведёрную! Но... не могу издеваться над убогим! – В гневе Евгения была удивительно прекрасна и недосяжима, хотя стояла рядом.

– А вы? Вы тоже хороши! Зачем меня раздели?

– Да нужен ты был! – опешила Женька, когда до неё дошёл смысл моих претензий.

– Утром Ленка всех подняла. Сказала, что лежишь без сознания. Видно, простудился в озере. А у нас собой ни жаропонижающих, ни антибиотиков. Только перевязочные средства. Сам же сказал – ничего лишнего! – рассказывала она, присев на нары, а я любовался прекрасным профилем девушки и незаметно трогал кончик длинной косы.

– Из прутьев от шалаша соорудили носилки. Как был в спальном мешке, так и погрузили, несли по очереди по тропе. Уже перед избой от высокой температуры тебя начало тошнить, поэтому – извини, пришлось немного помыть, – отчитывалась Женька, будто медсестра перед доктором. – Сейчас лежишь в моём спальнике, а твой – скажи спасибо Ленке: постирала, – сохнет на улице.

Тут она бросила уничтожающий взгляд и ушла.

Я съёжился и заскулил, как побитая собака. Того, что она рассказала, я не помнил и даже не ожидал, что такое могло произойти. Спальник вмиг стал колючим и кусачим. Захотелось убежать. Но куда побежишь голым? Еле дождался, чтобы мимо кто-то прошёл. Проблеял жалобно:

– Свет, принеси мою одежду. Пожалуйста.

– Да чего мы у тебя не видели? Иди так, – фыркнула та, но потом сжалась, принесла.

Вечером к приюту подошла большая группа. Подрост-

кам-пэтэушникам было лет по пятнадцать-шестнадцать. Они были шумные, наглые и агрессивные.

Мы заперлись на втором этаже и уже легли спать, как в дверь начали стучать. Не получив ответа, они продолжали долбиться.

Наконец, терпение лопнуло. Я открыл дверь и вышел на лестницу. Потасовка началась без всякого разбора. Получив удар в нос, я согнулся, тут же ударили сзади по почкам. Озверев, двинул одного ногой, он с грохотом покатился вниз, считая ступеньки. Другой – нарвался лбом на кулак и тоже упал.

Кто-то из подростков выхватил нож, размашисто чиркнул, я едва успел среагировать на блеск лезвия и отскочить, но упёрся спиной в перила. Нож полоснул по животу, стало горячо и мокро.

В проёме двери показалась гренадёрша Тамара. Парень с ножом, стоял к ней спиной. Она подошла, схватила его за плечи, приподняла, и он, пролетев мимо меня, плюхнулся на землю. Остальные разбежались, выкрикивая угрозы.

На крики выскочили руководители, разогнали питомцев по палаткам.

Девчонки окружили меня, уложили на нары. Голова лежала на коленях Тамары, она держала мои руки, Ленка сидела на ногах, пока Светка осматривала рану на животе.

– До свадьбы заживёт! – с облегчением сказала она, сма-

зывая зелёной. – Кожу только располосовали. Сейчас лейкопластырем залепим и всё!

Кровь из носа уже не текла, к фингалу под глазом приложили холодную ложку.

Я поднял опухший кулак.

– Ну-ка, ну-ка! – потрогала его Светка и трагическим голосом добавила:

– Ну, тут может помочь только моча рыжей девки.

Девчонки прыснули, а вперёд, расталкивая их, протиснулась Лидочка. Волосы у неё – как апельсин на снегу!

– А что, я готова! – Лидочка задорно вздёрнула носик. – Может, с головы начнём? Глядишь – и синяк рассосётся!

Хохоцут. Обидно так. Хоть бы одна заступилась...

– Не навреди – так, кажется, у вас, врачей говорят, – вежливо напомнил я.

– Да я ещё никому... не навредила! – каждая конопушка на её пёстром носике покатывалась со смеху.

Рано утром, чтобы избежать ненужных разборок, руководители увели пэтэушников.

Словно кот, я грелся на солнышке и лениво шурился от щекотных лучей. Подошла Женька, Женечка. Доктор Евгения.

– Давай, перевязку тебе сделаем, – и начала отрывать пластырь на животе.

Я задёргался.

– Будешь вести себя смиренно – получишь награду, – вкрадчиво говорила докторша.

Заинтригованный, я стойко переносил муки. Она отлепила пластырь, чем-то протёрла, смазала.

– Ну, вот, а заклеивать больше не нужно – пусть подсыхает! – сказала она, поднимаясь.

– А награда? – испуганно завопил я.

Девушка снова наклонилась и поцеловала – так сладко, как никто до этого меня ещё не целовал. Я подался к ней телом, готовый... на всё.

Но она выпрямилась и быстро ушла.

Я лежал и смотрел в синее небо, по которому медленно плыли белые облака.

На другой день в первый раз поднялся, сделал шаг, другой и понял, что жизнь продолжается.

– Жень, хочешь, покажу тебе моё самое любимое место на Зубьях? – спросил я.

Женька смотрела и пыталась понять, чего я задумал.

– Не, без дураков и розыгрышей! Только ты и я...

Предоставив девчонкам свободу отдыха, мы с Женькой отправились в путешествие. Тропа петляла по лесу, огибала скалы, иногда выводила на берег, сплошь заваленный кумриком. Приходилось прыгать по камням, обходить прижимы и вновь продираться через тайгу, напоенную аромата-

ми разнотравья.

И вот открылось лесное озеро. Небольшая гладкая, без единой морщинки, поверхность окружена с трёх сторон деревьями. А с четвёртой – из озера по каменным плитам стекала вода. Вода разливалась по широким ступеням, пенилась и бурлила в узких местах, каскадом водопадов свергалась вниз, где ступени были выше и круче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.